

Руань Мяньмянь почувствовал, как его с силой швырнули на стену, а следом придавили сверху чем-то тяжелым. Он только собрался задействовать способности Мастера обольщения, как его руку словно переломили, будто сухую бамбуковую палку. Хруст отчетливо отозвался в ушах, и Руань Мяньмянь судорожно вдохнул, подавив стон боли.

Рука... кость была сломана!

Похоже, чтобы лишить его возможности сопротивляться, угрозу решили устранить заранее. Одна рука Руань Мяньмяня безжизненно повисла, словно у существа без единой кости. Когда он попытался пустить в ход ноги, нападавший с силой развел их в стороны и втиснулся между ними.

В крошечной тьме он чувствовал лишь то, как этот человек жадно впился в его губы, грубо разжимая зубы и проникая внутрь. Это что, возмездие? То, что он только что проделал с Ян Лю, теперь вернулось к нему самому.

Постойте, он ведь не был настолько жесток с Ян Лю!

Руань Мяньмянь хотел закричать, но все пути к отступлению были перекрыты этим незнакомцем. Тот действовал с безумной скоростью, бесцеремонно орудуя языком во рту жертвы. Неизвестно, сколько времени длилось это издевательство, но для Руань Мяньмяня каждая секунда тянулась как вечность. Когда язык уже онемел, мужчина насильно влил в него слюну вместе с какой-то таблеткой, протолкнув прямо к горлу. Не глотать, ни в коем случае нельзя глотать!

В голове раздался тревожный голос Запретной книги. Черт возьми, если бы он мог сопротивляться, он бы уже давно это сделал! Но что поделать в такой ситуации? Он превратился в кусок мяса на разделочной доске. Кто этот извращенец?

Хруст.

Опять этот звук! Руань Мяньмянь наконец осознал пропасть между собой и этим маньяком — непреодолимую бездну. Он был обычным человеком, и перед лицом таких извращенцев его силы оказывались ничтожно слабыми.

Нельзя полагаться на способности Мастера обольщения, ведь их можно использовать лишь трижды в день. В конечном счете, важна только собственная истинная мощь, только превратив чужие навыки в свои, можно выжить.

Лишь оказавшись в полной изоляции, Руань Мяньмянь по-настоящему понял то, к чему его все это время подталкивала Запретная книга.

Сразу после хруста его челюсть вывихнули, и таблетка беспрепятственно проскользнула в

горло. Слюна стекала по уголкам губ, а дыхание, казалось, теперь принадлежало не ему, а тому, кто его удерживал. Затуманенным взглядом он смотрел вверх, на вентиляционную решетку в стене, сквозь которую пробивался тусклый свет. Из отверстия вырывался белый пар, в котором поблескивали крошечные кристаллики. Вот оно что! Газ был смешан с порошком, вызывающим обморок, а учитывая его концентрацию... ни один человек не смог бы избежать действия этой смеси.

Видя, как из вентиляции продолжает поступать газ, Руань Мянмянь мысленно взвыл: такой дозы хватило бы, чтобы свалить слона!

Входя сюда, он совершенно не заметил, что вентиляция была подстроена. Голова кружилась все сильнее, он едва держался на ногах, опираясь на мужчину. Он не мог позволить себе отключиться.

Мужчине, казалось, уже мало было одних поцелуев. Он поднял одну ногу Руань Мянмяня и с силой прижал ее к стене, собираясь... сломать!

Лишь одна нога едва касалась пола. Эта боль от насильственного разведения ног заставила Руань Мянмяня вскрикнуть, но этот звук лишь послужил катализатором, пробудив в нападавшем звериную жестокость.

Пальцы мужчины настойчиво исследовали его рот, царапая язык и небо. Руань Мянмянь окончательно лишился возможности сопротивляться. Остатки сознания подсказали ему, что гоночный комбинезон уже спустили до локтей, а рука в мозолях пробралась под майку, шаря по телу, пока не наткнулась на едва заметные бугорки на груди. Мужчина неторопливо принялся поглаживать их края. Будучи девственником до этого самого момента, Руань Мянмянь никогда не сталкивался с подобным. Он всегда считал, что эти две точки на груди — лишь украшение, но влажное ощущение от языка мужчины...

Почувствовав частое дыхание человека под собой, И Пиньго ощутил, как в нем разгорается пламя жажды обладания. Только Руань Мянмянь мог вызвать у него столь сильные чувства; дружеская привязанность окончательно переросла в густое, запретное влечение.

Под действием таблетки и неизвестного газа тело Руань Мянмяня обмякло. Он чувствовал себя словно щепка, плывущая по течению, и начал медленно сползать по стене, пока чьи-то руки не подхватили его за талию.

В тот момент, когда мужчина собрался потянуться к его паху, холодный твердый предмет уперся ему в лоб. И Пиньго замер. А затем он услышал голос, от которого его душа едва не покинула тело.

— Весьма романтично, но, пожалуй, стоило выбрать место получше. Не находишь?

От испуга возбужденный орган И Пиньго мгновенно уменьшился и даже не пытался подать

признаков жизни.

Словно механизм, лишенный смазки, И Пиньго по миллиметру повернул голову. В полумраке он выдавил из себя оцепенелую улыбку:

— Дядя... дядя Бай...

Как он здесь оказался?

Бай Сяо смотрел на него с таким невозмутимым спокойствием, словно происходящее было самым обыденным делом. На его губах играла полуулыбка. Он медленно произнес:

— Помнится, ты говорил, что собираешься посмотреть гонки вместе с Чжанынцзи. Это твой способ просмотра? Прижимать моего сына к стене?

Слова прозвучали легко, но для И Пиньго они стали подобны удару грома, повергшему его в оцепенение.

— Я... я просто шутил с Чжанынцзи... — он нес чепуху, в которую сам не верил. Возможно, из-за того, что его член обмяк, он окончательно растерял весь свой агрессивный настрой, а в глазах читалась паника. — Это... на самом деле я могу все объяснить...

— Мне не нужны твои объяснения. Мы обсудим это с твоим отцом. А теперь убирайся. — Взгляд Бай Сяо потяжелел, он уставился на сына, который был на грани потери сознания.

Под взглядом Бай Сяо И Пиньго почувствовал себя лягушкой, загипнотизированной змеей. Холод сковал его, не давая вымолвить ни слова. Добыча, которая была уже в руках, ускользнула — кому такое понравится? Но перед ним стоял человек, перед которым даже его собственный отец вынужден был проявлять уважение. При мысли о том, что отец узнает об этом, по спине И Пиньго пробежал холодный пот. Он разжал руки, удерживавшие Руань Мяньмяня.

Тот, словно рыба без костей, сполз по стене и остался сидеть в углу, тяжело дыша.

Когда И Пиньго ушел, Руань Мяньмянь приоткрыл глаза и слабо улыбнулся размытому силуэту в тени:

— Ты не отец. Кто ты?

Бай Сяо любил носить традиционные халаты Тяньчао, которые всегда отличались безупречным кроем и качеством. На его фигуре они смотрелись особенно статно и солидно. Но человек перед ним был одет в строгий костюм, который Бай Сяо почти никогда не носил.

Руань Мяньмянь сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Легкий запах крови помог ему сохранить крупицу ясности. Он пристально смотрел на незнакомца.

В коридоре царила мертвая тишина, словно пространство было изолировано. Лже-Бай Сяо опустил голову, высокомерие исчезло с его лица, не было и следа смущения от разоблачения.

— Молодой господин, хозяин приказал нам забрать вас.

— Ха... — у него едва хватало сил даже на смех. Голос Руань Мяньмяня походил на хрип, и даже горькая усмешка давалась с трудом. — Слежка... за мной... к чему... такой пафос? Я и правда слишком наивен... раз думал... что...

Бай Сяо, неудивительно, что ваши с Бай Чжаньцзи отношения настолько холодны. Кто угодно пришел бы в ужас от такого поведения!

Если я, Руань Мяньмянь, не одолею тебя, то пусть буду носить твою фамилию!

Проклиная его с такой яростью, Руань Мяньмянь наконец позволил себе провалиться в темноту.

Впереди его ждала еще одна тяжелая битва.

<http://bllate.org/book/20974/2129089>